

двух демиургов европейской флоры,
писателей с гремучим языком,

Владимир Нестеровский

двух филинов постевропейской ночи,
в то время как божественно цвела
в кругу своих последних одиночеств
воспитанница Царского Села.

Всё вспомнила тетя гени, даты —
в площе, в плаще, в кровавом домино...
Иные разобратся будут рады,
кто, где да в чём, а впрочем, все равно.

Parole... Мы пьяны. Persona Grata
зовет меня. Я думаю, уволь,
и намекаю: «Как-то позновато...
который час?» Он отвечает: «Ноль».

* * *

Душа постыло бабочкой летать,
Ей дом-гербарий лисичий уготован.
Пора смиряться смертной плотью слова —
Кормить ее, голубить, одевать.

Под пологом беспамятства глухим
И в каталоге слухового зрения
Игла ей — лазка, пища ей — сравненье
Белесой ночи с саваном цветным.

Кто смертию помечен, как пыльцой,
Кто слухом осязal сквозную млечность,
Тот зренiem, помноженным на вечность,
Восхитит ее страшное лицо.

Июль

Листьев крепкие ладочки
На ручицах статых кленов.
В душной кроне широк мошки —
Как шептанье влюбленных.

То июль, листвой могучий,
То июль, детина ражий.
Ключ пробился из-под кручи
И бежит струей в овражек.

Подожди за далью, август,
Дай нам летом насладиться.
Ночь не дремлет, словно Аргус,
И светла небес водница.

А плоды, конечно, будут,
Будут дыни и арбузы.
Лягут, сочные, по пуду
В погреба тяжелым грузом.

О июль, в соку мужчина,
Ты у нас на сельской службе.
Есть, июль, на то причина
Быть с тобой сегодня в дружбе.

Я с тобой имею сходство:
Ты средина, средний возраст.
Мы сейчас без сумасбродства,
Глубоко вдыхаем воздух.

А плоды, — они созревают,
Мы не все испили соки.
Видим небо чистым зренiem,
Вдохновляемся высоким.

Предстоит еще и встречи,
Мы не раз восславим женихи.
Сорок лет — еще не вечер.
Пламень в сердце не уменьшен.

Нуль

О чём философствуешь, Нуль?
О самозабвенье провалов?
Об алчности интервалов?
О братстве пробин и пуль?
О чём философствуешь, Нуль?

Элегия

Сегодня хочу говорить по-другому.
Устал я от соли, устал я от суты.
Есть тайна старенья — и вы мне не судьи.
Сегодня хочу говорить по-другому.

Залетных видел я рифмой не трогал,
Не трогал вас, годы, дела и соседи.
Реалии мерзли, как лес за порогом,
Стихи громыхали в железном корсете.

Сегодня хочу говорить по-другому:
Ведь мужество ямбов первышки не лечит.
Сегодня хочу говорить по-другому:
Мне пушкинский возраст склонился на плечи.

Линяют виски, истончается темя.
Я к вам, деревенские срубы, взываю.
Дубасит по стлану супулому время
И в теплую землю вбивает, как сваю.

Есть зори и росы, а песни — дөвесек.
Зачем себя высими пелями мучить?
Найду для души хуторок, переслек
И юную деву с улыбкой тягучей.

Я стану, как в детстве, утром и человок,
Опять подружусь с догнивающим садом.
Увижу процессию божьих коровок
И буду доить умилительным взглядом.

У черной воды одолжусь обручальным
Кольцом — и замру. Это время настало.
Пейзаж и вечерник, и путник случайный,
Я стану надежным для вас пьедесталом.

Мы все на земле короли,
Хватает грошовых амбиций.
Лишь стоит забыться — нули
Увязнутся за единицей.

Лучи пожирают свету,
Полжизни взвалив на закорки.
О НУЛЬ! — из тебя я торчу,
Как сусек пугливый из норки.

О НУЛЬ! — добрнок до поры,
Просвет, если сложишь ладошки.
В тебе все бывые миры
Сидят, как матрешка в матрешке.

О НУЛЬ! — смертоносный овал,
Мне тайну открывший по-свойски.
Я знаю: убьют наповал —
Уйду сквозь прорезу авоськи.

С отчаянья жизнь не пролей,
Свечу не задуй некароком.
Глазест зрачками нулей
Всевидящей Вечности ОкО.

Северный пейзаж

Сегодня лета нет, не знаю почему.
Дожди и стынь, и лица цвета серы.
Я не мечтал об отдыхе в Крыму,
Пускай о том мечтают пионеры.

«Всему причиной штучки НЛО», —
Сказал вчера и загрустил уфолог. ¹

¹ У ф о л о г — человек, самостоятельно изучающий неопознаные летающие объекты.

Он поврежден был явно головой,
Он все смотрел на неба серый полог.

Он обвинял пришельцев в тяжком зле,
Бездушных карлов с длинными ушами.
Они меняют климат на земле
И незаметно страхи нам внушают.

Но я на лето не питал надежд
В том чудном крае, где зимуют раки.
Я не привык к прогулкам без одежд, —
Да только, жаль, не созревают элаки.

Мне не до развлечений: свой досуг
Я трачу на стихи. Я сочиняю, правлю.
Я сам останусь здесь, а на беспечный юг
За солнышком любичную отправлю.

Так даже проще: не менять настрой,
Прожить весь год без всякой перестройки.
Пришпорь воображенье — и герой
Помчится, словно Чичиков на тройке.

Какая прелесть в белизне ночей, —
Никто не отличает дня от ночи.
Такой простор для пламенных речей, —
Простор для вдохновения, короче.

Мне по нутру бессонечный режим,
Люблю в природе сдержанность и строгость.
И я несусь в безвестность, одержим,
Над пропастью, и не срываюсь в пропасть,

Мне жалко их, экватора детей.
И что бы делать стал, попав на тропик!
Я **б** почернел от горя до костей,
Я **б** высох, как лишенный крови клопик.

Жара мгновенно размягляет мозг,
Ты, как кисель, теплешь на грязном пляже.
Такой там слышен беспардонный визг,
Что ненависть обуревает даже.

А здесь прекрасны комары и хмар,
Разлив травы и омут Левитана.
И ветер голосит, как пономарь,
Вокруг вагонов полевого стана.

Покой и тишина над пасмурным жизньюм,
Н **з**ябко море сдержанного света.
Мы в это лето вечность проживем,
Мы укрепимся духом в это лето.

Подсолнух

Б.Ик. Антонову

Подсолнух блистает, краснородий,
На грядке в венце золотом.
На древнего бога похожий,
Шептал он о чем-то святом.

Он был, как и я, желторотый.
На темени — отблеск зары.
Такие же оспинки-соты
И семечек сизых угри.

Он был постоянно веселым,
Плясал на мясистой ноге.
И лук поворачивал к солнцу —
Вертел дотемна по дуге.

На шее пушистой, шершавой,
Похоже на лопухи,
Наждакные листья шуршали,
Как «Слова о полку» стихи.

Цветок живописный, альбомный,
Он юту вполне отвечал.
Взлеянный солнцем любовно,
Он солнцем служил по ночам.

На жаркого лета закате
Он сбросил поблекший венец,
Спину склонился покатой
И благостный принял конец.

Почил головою на запад.
А жил головой на восток.
Струил одурающий запах
На службе соревшего цветок.

До жатвы на грядке дневала,
Ложух он и высок, как гриб.
Залетные птицы клевали
Набухшие солнцем угри.

Попшел его стебель на прясле,
Хоть был он в искусстве мастил.
Но рыжим, но солнечным маслом
Пир осени он умастил.

На почве тычедушной, подзолльной
Еще не случалось чудес.
Лишь солнца могучий подсолнух
Не меркнет на грядке небес.

Потерять интерес к голубям,
Где естественней выглядит аист.
Засыпать, беспечально любя,
Знать, что любят тебя, просыпаясь.

В волнах лунной небесной свечи
Будет сон безмятежный, укромный.
Нас на праздник потянут лучи
В мир сверкающий, светом огромный.

Слов восторженных, песен рои
День вдохнет в золотые трубы.
Снова быстрые руки твои,
Снова беглыя речи и губы.

Плач камня

Слова угрюмый плаач,
Истины я не нарушу.
В камне укрывшись плаач
Вырвался стеблем наружу.

Отключая сознание

Чудодейство русалочных рук.
Затуханье влюбленного взора.
Охожу. Убывающий звук —
Убывающий звук разговора.

Где-то там, где-то там, на краю
Моего бытия, в отдалении
Кто-то тянет волынку свою,
Не по щучьему ходит велению.

В затемненный причудливый грот
Уплывает кораблик сознания.
Так же ловит восторженный рот
Речи первого в жизни признания.

В тихий вечер пырнуть налегке,
После стольких за день впечатлений.
И купаться, как в теплой реке,
После нежностей в сладостной чести.

Был этот плач обречен
Вечно томиться в темнице.
Взвился внезапно ключом,
Стебля зеленого лицем.

Мимо проложий прошел,
Странно разводит руками.
Трезвого разума шок:
Плачат холодные камни.

Камень накапливал грусть,
Жалобы тихо шуршали,
Если щербатую грудь
Терли подметкой щершавой.

Ливень кругой его сек,
Грызали жара и морозы.
Сыпался зыбкий песок —
Камня угрюмые слезы.

В детстве негаданно вдруг
Я изумился впервые,

Преодолевши испуг:
Камни ведь тоже живые.

Каток памяти

Был я, наивный чудак,
Тверд и не пил корвалола.
И разрешился вопрос:
Камень, он тоже не вечен.

Был я, наивный чудак,
Тверд и не пил корвалола.
И неожиданно так
Сердце слеза расколола.

В предтелевизорное время,
В эпоху уличных катков
На льду мужало наше плеся
Провинциальных простаков.

Любовь носилась по спирали
По скверу стайками невест.
Но, дети областной морали,
Мы так стеснялись сделать жест.

В ту зиму я не принял вызов,
Я вытащил другой билет.
И вдруг увидел в телевизор
ЕЕ через десяток лет.

К портрету

В. Гаарильчуку

Висит на стене мой портрет,
Как будто вином разогрет.
Скуластый, глазами рогат.
Сам черт ему, видно, не брат.
Кто истинный, я иль портрет?

Я знаю, портреты не мстят,
Я знаю, портреты не льстят,
Но вечно наводят гостьку:
Мы дремлем — они начеку.

Я думаю в трудный момент:
Портрет — это тайный агент.
Продам его — можно в кредит, —
Пусть он за другими следит.

Плевать мне на эту родину!
А впрочем, его я женю.
Пусть любят, рожает детей
И ждет моей смерти, злодей.

Но щерится злобно портрет,

Что остается от горенья,
А что уносит дней поток?

Следы свободного паренья
Запишет память каток.

Планета спутников орбиты
Мотает, как катков витки...
Приметы лет давно забыты —
Благословенные катки!

Зимняя спячка

Начинается зимняя спячка,
Укрывается в дом красота.
И вчерашняя пава, гордячка,
Пусть красива еще, но не та.

Не расслабишься духом, как прежде,
Не рванешься за дверь сгоряча.
Сад таинственный сбросил одежду,
Перекинул на наши плеча.

Тело холодом взято в осаду,
И устроилась ловко душа.
Только голому зимнему саду
Позволительно спать не дыша.

Ты весною горяч и неистов,
Ты разбросан на сотни людей.
Не под силу собрать портретисту
В точный образ десятки идей.

Жить отраженной четкой машиной
Жизнью тела — основой основ.
Удивляться жужжьем мушиным,
Перепутавшим зиму с весной.

И душа отдохнет от метафор,
Словно сонный вдохнет порошок.
Хорошо, что не будет метаться
И не будет болеть. Хорошо!

Вкус вина позабуду противный,
Стану тверда и неумолим.
И какие предстанут картины
И героям пред взором моим!

Оживают зимою легенды,
Продремавшие тысячи лет.
И пришельцы — галактик агенты —
Выползают на призрачный свет.

Я героям работать заставлю,
Истреблять неуемное зло.
Жаль, исчезли уютные ставни,
Что творцам помогали зелю.

О зима, врачеватель, больница,
Дай горничник для сражущих спин.
Что, став на небесах биваком,
Посети нас, мечта, небылица.
Спи, медведь, спи, душа моя, спи!

Лунная собака

Собака выла на луну,
Что, став на небесах биваком,
Размыла знаки Зодиака,
Сокрыла звездную страну.
Гронизанный тоскою древней,
Пловис над спящую деревней
Собачий глас во всю длину.

Не слышалось собачьих склон.
Забились под крыльца товарки.
Туман коричневой заварки
Глаза собачьи ваволок.
Болезненным глумливым смехом
Собаке отвечало эхо,
И был надрывен диалог.

Как неуктен лунный свет!
Как будто льют эфир на темя.
Подобна теплой шубе темень:
Нахлынет мрак — и ты согрет.
А свет — он душу обнажает
И перед бездной унижает,
И кажется, что ты раздет.
Лишь сдавит горло тишина,
Терзается душа собачья.
Она устроена иначе,
Рассудком не отягчена.

Ее охватывает ужас,
Когда на землю дышит стужей
В упор стерильная луна.

То вечный страх, то вечный страх
Перед суровым смыслом мира
Четвероногих пассажиров
Планеты на семи ветрах.
И, слушая собачьи трели,
Ночами ежится в постели
Бог, повелитель, вертопрах.

Собака, пессимизма дочь,
Собака, лунная собака,
Ты — сон, ты соткана из мрака.
Мне слушать жуткий вой невмочь...
Луна висит созревший каплей.
Но облаков морозной паклей
Ее с небес стирает ночь.

Олег Охапкин

Легкий Голландец

Давно так не звездило по ночам.
Все осень, осень, облака да тучи.
Эпохи поворот тем круче, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам,
Увы, меня не тронула простуда.
Хоть весь прдорог, я не о том скорблю.
Гляжу в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Все ветер, ветер, сумрак и неистие.
Пусть непогода треплет наши счасти,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег... Это позади.
И плаванье не обратить к началу,
Когда еще бессмертье впереди.

Давно так не звездило по ночам.
Все свечи, свечи, тусклая каютка
И паруса в полете без приюта,
Да ржавчина по доблестным мечам,
И ужас навязчивая свобода,
Когда покой, как призрак в тишине.
И дух не утоляет непогода.
И ветный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Все бегство, бегство, комната и книги.
В пространстве — туч имперские квадраты,
В столетьях — плач все видевшим очам,
Лишь палуба Легкого Голландца
Все времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса.
Свободен дух, но и скитанье — плен.